

КУЛЫГИНА Виктория Викторовна

**ПРИНЦИПЫ ЛИРИЧЕСКОЙ ЦИКЛИЗАЦИИ
В ТВОРЧЕСТВЕ ВЯЧ. ИВАНОВА
(«Итальянские сонеты», «Зимние сонеты»,
«Римский дневник 1944 года»)**

Специальность 10. 01. 01 – русская литература

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Иваново – 2009

**Работа выполнена в ГОУ ВПО
«Ивановский государственный университет»**

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Дзудева Наталья Васильевна
ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Кихней Любовь Геннадьевна
ГОУ ВПО «Институт международного права
и экономики им. А.С. Грибоедова»

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Эдельштейн Михаил Юрьевич
ГОУ ВПО «Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова»

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Владимирский государственный
гуманитарный университет»

Защита состоится 17 декабря 2009 г. в 13.00 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.062.04 при Ивановском государственном
университете по адресу: 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 39, ауд. 459.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ивановского
государственного университета.

Автореферат разослан 17 ноября 2009 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000726971

Ученый секретарь
диссертационного совета

Е.М. Тюленева

Реферируемая диссертационная работа посвящена принципам лирической циклизации в творчестве Вяч. Иванова.

Проблема циклизации является одной из наиболее актуальных в современном литературоведении, особенно при рассмотрении поэзии Серебряного века. Это обусловлено особой предрасположенностью поэтов-символистов рубежа веков к крупным лирическим формам, циклическим моделям, к созданию не отдельных лирических произведений, а цельных художественных миров, воплощающих их авторские концепции.

При этом выбор именно циклических форм для решения поставленных задач вполне объясним, ведь, как отмечает В.С. Непомнящий, «возможности цикла необъятны: никакая другая форма не обладает такой емкостью и многозначностью, такими средствами самокорректирования, таким иммунитетом к односторонности»¹.

Более чем к кому-либо из поэтов Серебряного века, все это относится к Вяч. Иванову, художественный мир которого отличается удивительной связанностью всех его элементов, о чем убедительно писал М.М. Бахтин: «Через все звенья его символов можно провести графическую линию, настолько сильна их логическая связь»².

В настоящее время существуют работы, посвященные рассмотрению отдельных лирических циклов Вяч. Иванова. Это исследования И.В. Корецкой, П. Каццолы, П.-Дэвидсон, А.Г. Грека, Н.В. Рябининой, Е.А. Тахо-Годи, Н.В. Дзущевой. Однако в них чаще всего вопрос циклической природы произведений, их жанровой специфики не актуализируется.

Выделяется в иванововедении и ряд работ, направленных на анализ отдельных циклообразующих факторов в творчестве поэта (С.Д. Титаренко, Ю.В. Шатин).

Однако до сих пор нет ни одного обобщающего монографического исследования, в котором анализировались бы принципы лирической циклизации и ее специфика на широком материале всего творчества Вяч. Иванова.

Таким образом, **актуальность** темы диссертации определяется прежде всего ее недостаточной разработанностью, а также значимостью для понимания творческой индивидуальности Вяч. Иванова, в

¹ Непомнящий В.С. Поэзия и судьба. М., 1983. С. 143.

² Бахтин М.М. Из лекций по истории русской литературы: Вячеслав Иванов // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 397.

художественном мире которого, иерархически выстроенном и строго организованном, циклизация занимает не просто важное, а концептуально значимое место.

Объектом исследования стали лирические циклы Вяч. Иванова: «Итальянские сонеты», «Зимние сонеты» и «Римский дневник 1944 года». Эти циклы выбраны для анализа далеко не случайно. Они представляют три основных этапа жизни и творчества поэта. «Итальянские сонеты» написаны в начале творческого пути Вяч. Иванова и вошли в его первый сборник «Кормчие Звезды», в котором, по справедливому замечанию С.С. Аверинцева, «в свернутом предварительном виде уже присутствует вся ивановская топка и поэтика»³. «Зимние сонеты» созданы в переломный момент жизненного пути поэта (1919 – 1920 гг.) и отражают этапный характер его творчества этого времени. Наконец, «Римский дневник 1944 года», финальное лирическое произведение Вяч. Иванова, являет собой «благодатный итог» (С.С. Аверинцев) жизни и творчества.

В качестве материала исследования также привлекаются культурологические, художественно-философские и литературно-критические статьи Вяч. Иванова, его эпистолярное и автобиографическое наследие, мемуарные свидетельства о поэте.

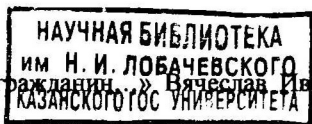
Предметом рассмотрения являются принципы циклизации в творчестве Вяч. Иванова: способы создания циклового единства, система циклообразующих связей.

Цель работы – проанализировать и описать механизмы текстопостроения поэтических циклов Вяч. Иванова: рассмотреть принципы циклизации в поэзии Вяч. Иванова в их целостности, системности и эволюции.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи:

- осуществить комплексный анализ лирических циклов Вяч. Иванова, относящихся к разным этапам его жизни и творчества;
- определить систему циклообразующих связей, обеспечивающих единство каждого из рассматриваемых циклов;
- охарактеризовать художественные функции основных циклообразующих связей;

³ Аверинцев С.С. «Скворещиц вольных граждан...» Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб., 2002. С. 127.

- определить специфику лирической циклизации в творчестве Вяч. Иванова;
- выявить тенденции развития системы циклообразования в ивановской лирике.

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые предпринята попытка целостного, системного изучения принципов лирической циклизации в их развитии на широком материале творчества Вяч. Иванова.

Методологическую базу диссертации составляют работы по теории лирики и анализу художественного текста М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Л.Я. Гинзбург, С.С. Аверинцева, М.Л. Гаспарова, Б.О. Кормана, Т.И. Сильман, В.Д. Сквозникова, С.Н. Бройтмана, фундаментальные исследования в области лирической циклизации (работы Х.-М. Мастэрд, Л.К. Долгополова, В.А. Сапогова, М.Н. Дарвина, Л.Е. Ляпиной, И.В. Фоменко, М.В. Серовой и др.), статьи и монографии, посвященные творчеству символистов в целом, и Вяч. Иванова в частности (З.Г. Минц, Е.В. Ермиловой, Л.А. Колобаевой, А. Пайман, Е.А. Тахо-Годи, Л. Силард, Н.А. Богомолова, Н.В. Котрелева, П. Дэвидсон, А.А. Шишкина и др.).

В работе используются метод структурного и контекстуального анализа, а также биографический, историко-генетический, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в расширении и углублении представлений о проблеме лирической циклизации и лирического цикла в поэзии в целом, и в символизме в частности. Кроме того, данная работа открывает путь к изучению книг стихов Вяч. Иванова и его поэтического творчества как единого целого.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее материалы и выводы могут быть использованы при составлении общих курсов по истории и теории русской литературы XX века, при подготовке спецкурсов и спецсеминаров по литературной циклизации и по творчеству Вяч. Иванова в практике вузовского и школьного преподавания.

Апробация работы осуществлялась на ежегодной Межвузовской научной конференции «Литература XX – XXI веков: автор, текст, интерпретация» (Иваново, ИвГУ, 2007, 2008, 2009), на VI Всероссийской научно-методической конференции памяти В.П. Медведова «Литература и личность: методический и литературоведческий аспекты» (Иваново, ИвГУ, 2008), на Международной научной конференции «Тексты Розанова: контексты и мифологемы» (Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008), на Международной научной конференции, посвященной 100-летию

блоковских текстов 1909 года «А. Блок и Италия» (Москва, ИМЛИ РАН, 2009). Главы диссертации и работа в целом обсуждались на заседаниях кафедры теории литературы и литературы XX века ИвГУ.

Диссертация состоит из введения, основной части, включающей три главы, заключения и списка использованной литературы.

Основное содержание работы

Во **Введении** обоснован выбор темы, ее актуальность и новизна, сформулированы цели и задачи исследования, охарактеризованы основные теоретические и методологические принципы, отмечена практическая значимость полученных выводов. Кроме того, здесь освещается история вопроса и рассматриваются проблемы теории лирической циклизации.

Первая глава диссертационного исследования – «Италия как циклообразующая мифологема "Итальянских сонетов" Вяч. Иванова» – состоит из пяти параграфов.

В первом из них рассматривается творческая история и дается общая характеристика поэтического цикла «Итальянские сонеты». Лирический цикл Вяч. Иванова «Итальянские сонеты», входящий в первый сборник поэта «Кормчие Звезды», тесно связан с общим содержанием книги, в том числе и непосредственно с образом Кормчих Звезд – путеводительниц в сферу Истины, – открытие, постижение которой является основной задачей книги в целом, и цикла в частности. Тесное единство представляют собой и сами «Итальянские сонеты», циклическая спаянность которых создается посредством как содержательных, так и формальных категорий (мотивов, образов, формы, звукописи и др.). Художественное единство «Итальянских сонетов» задается общим заглавием, объединяющим входящие в цикл 22 стихотворения, единой стихотворной формой – сонета, темой и предметом изображения – образом Италии, повествовательной структурой «путешествия».

Второй параграф главы – «Традиционное и индивидуально-авторское в образе Италии Вяч. Иванова ("Итальянские сонеты")» – посвящен рассмотрению мифологемы Италии, которая играет главную циклообразующую роль в «Итальянских сонетах», так как собирает вокруг себя все фигуры и образы отдельных стихотворений. Италия предстает в цикле крайне символичной и индивидуальной. Под воздействием своих художественно-философских взглядов Вяч. Иванов переосмысливает ее образ и наполняет глубоким метафизическим содержанием. Италия для

Иванова – это не только «культурная родина», «колыбель истории», «райский – поэтический, художественный – сад», она прежде всего представляет собой отраженный свет высшей реальности, к которой устремлен дух лирического героя. Как справедливо замечает на этот счет А.Б. Шишкин: «В отношении к Италии у Вяч. Иванова соединился аспект глубоко личный и творческий, духовный, культурный и религиозно-церковный...»⁴

Специфику восприятия Италии Вяч. Ивановым в его цикле «Итальянские сонеты» особенно подчеркивает сравнение воспроизведенного им топоса с Италией, представленной в цикле А. Блока «Итальянские стихи», чему посвящается **третий параграф** первой главы («Мифологема Италии в "Итальянских сонетах" Вяч. Иванова и в "Итальянских стихах" А. Блока»).

Четвертый параграф посвящен системе циклообразующих мотивов и образов «Итальянских сонетов», выходящих за рамки семантического поля итальянского топоса. К их числу относятся мотивы немоты и прозрачности, а также образ-символ Утренней Звезды. При этом они не только связывают воедино все стихотворения цикла, но и являются своеобразными ступенями к пониманию основной идеи циклического целого. В «Итальянских сонетах» Вяч. Иванов ведет читателя от мотива немоты, воплощающего собой «атрибут "беспредметного" божественного явления» (А. Ханзен-Леве), чаемого для постижения, через «прозрачность», приоткрывающую завесу божественных тайн, к «Утренней Звезде» – воссиявшей Божественной истине.

Не последнюю роль в циклообразовании «Итальянских сонетов» играют формальные межстиховые связи, такие, как стихотворная форма (сонет), рифмовка, звукопись. Им посвящен **пятый параграф** «Формальная структура как фактор циклического единства "Итальянских сонетов"». Здесь показывается, что структурные средства не только способствуют созданию единого художественного пространства «Итальянских сонетов», но и актуализируют те содержательные стороны текста, которые наиболее важны для понимания основной идеи цикла.

Тесное единство «Итальянских сонетов» обеспечивается посредством глубокого взаимодействия и взаимообусловленности всех циклообразующих скреп и связей. Результатом взаимодействия ключевых

⁴ Шишкин А.Б. Вячеслав Иванов и Италия // Archivio italo-russo / Русско-итальянский архив / Под ред. Даниэлы Рицци и Андрея Шишкина. Тренто, 1997. С. 504.

мотивов и образов является «надтекстовое» содержание цикла, не сводимое к совокупности содержаний отдельных стихотворений из его состава. Центральной идеей цикла является представление о мировом всеединстве всего мнимо разделенного, несогласного и безжизненно-ного, нашедшее свое воплощение в мифе о страдающем, растерзанном и воскресшем (воссоединившемся) боге (Озирисе, Дионисе, Христе) – во вселенском единении во Христе, во вселенской любви.

Так, уже на раннем этапе творчества Вяч. Иванов прибегает к лирической циклизации, необходимой поэту как для создания целостной картины мира во всем его многообразии, так и для выражения сложных, многоуровневых художественно-философских концепций. При этом для создания циклического единства поэт использует богатую палитру методов и приемов как формального, так и содержательного плана.

Вторая глава диссертационного исследования «Мотив дороги/пути как основа циклического единства "Зимних сонетов" Вяч. Иванова» посвящена циклу, созданному в переломный период жизни и творчества поэта (1919 – 1920 гг.), отличающемуся тонкой и в то же время сложной лирической организацией на фоне общего корпуса ивановской поэзии.

Это прежде всего отмечается в **первом параграфе** главы – **«"Зимние сонеты": текстовая история и структура цикла»**.

Второй параграф («Циклообразующая функция мотива дороги/пути в "Зимних сонетах"») посвящен центральному циклообразующему мотиву дороги/пути, который определяет в равной мере и содержательно-событийное, и лирико-эмоциональное, и художественно-философское единство цикла.

В «Зимних сонетах» выделяются различные образные пласты концептосферы пути/дороги. Это реальное перемещение лирического героя по зимнему бездорожью, и в то же время это и его жизненный путь, а также жизнь человеческого рода, осмысленная как путь в пространстве бытия. Но главное, это стремление духа лирического героя ввысь, к некому трансцендентному источнику, Высшему бытию, к метафизическим высотам, – с одной стороны, и его душевное устремление/движение к близким, родным, к семье, что «в убежище недалеком», в той же плоскости земного бытия, с другой. Движение лирического героя и по заснеженной дороге, и в пространстве Духа выстраивается как символический параллелизм и отмечено семантикой преодоления границ реального бытия и физической плоти. Однако это устремление не получает в цикле должного разрешения, что определяет напряженно-драматическую ауру цикла. И вместе с тем «Зимние сонеты» не лишены

просветленных интенций, которые заложены прежде всего в пространственно-временных образах циклического целого.

Пространственно-временная организация «Зимних сонетов» является важным циклообразующим фактором и рассматривается в качестве таковой в **третьем параграфе** главы (**«Пространственно-временная организация "Зимних сонетов" в контексте процесса циклообразования»**). Главная пространственная коллизия «Зимних сонетов» сводится к противоположению «глухих дорог» (пространства земной жизни, как лирического героя, так и всего человечества, и всего тварного мира) «дальнему берегу» (метафизическим высотам). Она дополняется также личностным противопоставлением «глухих дорог» – зимнего бездорожья, по которому держит свой путь лирический герой, – «убежищу недалекому», приютившему родных героя. В рамках земного бытия герой стремится добраться до своей семьи, но для его блуждающего духа остается недоступным высшее, реальнейшее пространство. По ходу лирического сюжета «холодная тюрма» земного бытия, а именно так и характеризуются в тексте «глухие дороги» жизненного пути, благодаря нисхождению Музы превращается в «лес лавровый» – пространство между реальным и реальнейшим, в которое удаляется лирический герой, сопротивляясь мертвенности земного бытия.

Таким образом, в мире «Зимних сонетов» представлена традиционная для поэтики Иванова иерархия пространственных уровней. Путь лирического героя лежит от пространства земного бытия к пространству сакральному через пространство софийное. «Вертикаль», которой изначально задан вектор движения ивановской мысли (И.В. Кондаков), представлена в цикле достаточно зримо. Однако здесь мы сталкиваемся не со знаменитой ивановской диадой – восхождение/нисхождение, а с постоянными переходами от уровня к уровню, от пространства к пространству. Эта неустойчивость создает своего рода игру пространственных топосов, игру во многом трагическую. Несмотря на то, что Вяч. Иванов не выводит свою мысль к финальному «светлому началу», такой выход заложен в циклическом метасюжете, что просматривается в «высвечивании» разных пространственных сфер, которые сопрягаются с семантикой возрождения, воскресения, вознесения.

Таким образом, пространственная символика «Зимних сонетов» позволяет утверждать, что трагическая атмосфера цикла отмечена нотами «метафизического оптимизма», который всегда был характерной особенностью творческого духа Вяч. Иванова. В целом, поэтика пространства в «Зимних сонетах», безусловно, выступает как

циклообразующее начало, так как связывает воедино различные семантико-смысловые пласты и мотивно-образные ряды цикла.

Важность темпоральных категорий для цикла «Зимние сонеты», в том числе в контексте процесса циклообразования, прочитывается уже из заглавия, которое задает определенный временной модус. При этом очевидно, что речь идет не просто о времени года, но о зиме как состоянии мира и души поэта. В цикле репрезентируются реально-биографический, календарно-обрядовый, мифологический и сакрально-универсальный уровни временной тождественности в общем мифопоэтическом комплексе художественного универсума «Зимних сонетов».

«Зиме» как ледящему и смертоносному состоянию мира (земного бытия), окружающему лирического героя и проникающему даже в глубины его внутреннего бытия, в цикле противопоставляется Весна, понимаемая в христианском ключе, то есть Весна духа. Но в то же время символике «Зимы» противостоит и личное пространство лирического героя, пространство остановившегося времени, в которое герой, спасаясь от дыхания ледящего мира, скрывается в ожидании эсхатологической Весны. Лишь в заключительных сонетах цикла наблюдается определенное слияние различных временных пластов: здесь возникает мотив «довременной весны», открывающий эсхатологическую перспективу.

Преломление темпоральной образности цикла через призму христианской традиции, связываемой прежде всего с надеждой на воскресение, придает «Зимним сонетам» и на уровне временной организации пафос оптимистически звучащей веры. Однако сложность и драматизм внутренней коллизии цикла не позволяет назвать этот пафос абсолютным. Герой, заключенный в границы личного, реального времени, отмеченного печатью духовной смерти, преодолевая этот порог, тем не менее, не может совсем освободиться от «холодной тюрьмы» плоти⁵.

В целом семантика календарного комплекса в «Зимних сонетах» является особенно значимой, поскольку помогает проследить движение ведущей мысли цикла, содержательный нарратив которого обильно насыщен языческой, мифологической, христианской образностью, отмеченной сложной смыслообразующей взаимосвязью, что также обеспечивает циклическое единство.

Одним из главных факторов циклической целостности «Зимних сонетов» выступает единая для всех входящих в цикл стихотворений сонетная форма, рассматриваемая в **четвертом параграфе** второй главы

⁵ Дэвидсон П. «Зимние сонеты» Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов: материалы и исследования. М., 1996.

(«Сонетная форма как фактор формирования циклического единства "Зимних сонетов"»).

В первую очередь сонетная форма обеспечивает общность структурно-содержательной организации всех входящих в цикл стихотворений: все стихотворения состоят из двух катренов и двух терцетов, а содержательно соответствуют схеме: завязка – развитие – кульминация – развязка⁶. Единство «Зимних сонетов», именно как сонетного цикла, обеспечивают и такие единицы, как метр, рифмовка, звукопись. Так, все сонеты цикла написаны пятистопным ямбом, рифмовка всех сонетов цикла соответствует французскому типу последовательности рифм в форме сонета, а звукопись характеризуется постоянством употребления звуков: «ш», «щ», «ж», «с», «з», «р». Эти формальные элементы ивановского сонета, как и его структурная организация, связаны с его содержательностью. Рифмы в цикле выделяют смысловые доминанты и, кроме того, иллюстрируют благодаря рифменному рисунку идею циклического единства. Катрены заключены опоясывающей рифмой и при этом зарифмованы с терцетами, что даже на формальном уровне воплощает собой внутреннюю отдельность элементов (закольцованных катренов и организованных по другому принципу терцетов) и в то же время их связанность (общими рифмами). Звукопись же, употребляемая в цикле, благодаря системному использованию звонких и глухих шипящих и свистящих звуков, а также звонкого звука «р», позволяет создать атмосферу «леденящего, мертвящего, режущего, раздирающего» земного/зимнего хаоса, в который погружен лирический герой.

Третья глава диссертационного исследования – «"Римский дневник 1944 года" Вяч. Иванова: доминирующая роль формы в процессе циклообразования» – состоит из пяти параграфов.

В первом из них описываются история создания и структура цикла. Здесь отмечается, что в отличие от большинства поэтических циклов Вяч. Иванова, в том числе и разбираемых нами в предыдущих главах, объединенных общностью формы входящих в них текстов (в нашем случае – сонетов), в «Римском дневнике» мы сталкиваемся с разнообразием стиховой организации, жанрово-стилевым богатством: форма дневника определяет свободу лирического высказывания в этом цикле. Здесь мы встречаем образования балладного характера с философским подтекстом, стихи на сюжеты евангельских притч,

⁶ Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях. М., 2004.

философские размышления, лирико-исповедальные тексты, лирические фрагменты, послания.

Несмотря на формально-стилистическое, эмоционально-интонационное и содержательное разнообразие текстов «Римского дневника», он являет собой лирический сплав тесно связанных художественно-философских смыслов. При этом единство цикла обеспечивают, в первую очередь, категории и элементы, имеющие непосредственное отношение к форме дневника. К их числу относятся: поэтика времени и даты, в силу того, что это доминирующее структурообразующее начало дневниковой формы в целом; лирико-исповедальное начало как одно из основных в дневниковом дискурсе; категория и концептосфера «памяти» как одна из ключевых для жанра «дневника», относящегося к более широкой сфере мемуарной литературы. В качестве циклообразующих в цикле также выступают и не относящиеся непосредственно к форме дневника, но определяющие содержательное единство цикла основные составляющие мотивной структуры «Римского дневника 1944 года».

Главным структурообразующим элементом «Римского дневника» именно как дневникового цикла выступает поэтика времени/даты, представляющая категорию времени во всей иерархии ее смыслов – от повседневного-бытового до бытийно-сакрального. Рассмотрению поэтики времени/даты как циклообразующего фактора «Римского дневника» посвящен **второй параграф («Поэтика времени/даты в лирическом цикле "Римский дневник 1944 года"»).**

На дневниковых страницах находят отражение события реально-хронологического, повседневного-бытового, природно-космического, зодиакально-астрологического, культурно-исторического времени. Все они предстают в тесном единстве и неизменно выводятся к литургическому времени христианского календаря, определяя особое религиозно-метафизическое звучание цикла, о чем пишет А.Б. Шишкин: «в 114 поэтических текстах «Дневника» события календарного года, столь драматического для судеб мира и любимого поэтом города (оккупированного нацистами и затем освобожденного союзниками), соотносились с вечным временем литургического, событиями христианской истории и собственными итогами долгой жизни»⁷.

⁷ Шишкин А.Б. «Россия» и «Вселенская церковь» в формуле Вл. Соловьева и Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов – Петербург – мировая культура: Материалы международной научной конференции 9 – 11 сентября 2002 г. – Томск. М., 2003. С. 173.

Эта основная для цикла временная система координат сводится к диалектике *жизни* (времени испытаний, пути претерпеваний и страстей) и *смерти* (как перехода в сакральное, Божественное времяпространство, Вечное Бытие). Все временные пласты, преломляясь в призме литургического времени, в конечном итоге выводятся в цикле ко времени сотериологическому, то есть времени спасения. Таким образом, символика времени/даты переводит лирический сюжет «Римского дневника» в высший духовно-сакральный временной пласт, оказываясь важным началом в процессе циклообразования. Имплицитно преобладающее звучание «большого» времени в свою очередь никак не отменяет конкретики настоящего, фиксации мига, связанного с заостренностью лично-эмоциональной коллизии, что так же формирует циклообразующие связи.

Таким образом, поэтика времени/даты непосредственно связывает воедино разрозненные сюжетные и образные ряды цикла и, кроме того, отсылает к определяющим циклическое единство мотивно-образным комплексам.

Дневниковый дискурс определяет не только последовательность событий, соотносящаяся с поэтикой времени/даты, но и характер их переживания, а следовательно, и соответствующая специфика их лирического выражения. В качестве одного из важнейших циклообразующих факторов «Римского дневника 1944 года» выступает лирико-исповедальное начало. Этому посвящен **третий параграф** главы (**«Лирико-исповедальное начало как циклообразующий фактор "Римского дневника 1944 года"»**).

Единство цикла обеспечивает не только общая лирико-эмоциональная атмосфера, создаваемая богатым спектром лирических чувств и эмоций автора/героя, но и непосредственно исповедально-покаянные интенции, пронизывающие собой всю текстовую ткань.

В своем дневниковом цикле поэт впускает читателя в сокровенные глубины своих внутренних переживаний, мечтаний, помыслов, создавая общность эмоциональной тональности, нагнетающей циклообразующие интенции. «Римский дневник» с предельной открытостью передает душевное состояние поэта, на которого обрушились испытания военного времени, когда и создавался цикл. Поэт повествует и о своих личных бедах и недомоганиях, пришедших вместе со старостью. В то же время этим скорбным чувствам он противопоставляет надежду на несокрушимость творческой (духовной) воли.

Сокровенно-глубинный пласт лирических откровений «Римского дневника» связан с памятью о потере близких, родных, в первую очередь,

Л.Д. Зиновьевой-Аннибал и В.К. Шварсалон – матери и дочери, воплощающих собой единую любовь поэта. Переживание им смерти Лидии-Диотимы при этом особенно напряжено и в то же время полно просветленных интонаций, овеяно чувством «освященности» жизненного пути этой смертью.

Целый ряд поэтических текстов «Римского дневника», проникнутых исповедальной интонацией, отличают собственно покаянные мотивы. Исповедальный дискурс заявляется в «Римском дневнике» именем Бл. Августина и его «Исповедью».

Следуя августиновской традиции, Иванов в своем финальном цикле аксиологически осмысляет свое прошлое, отмечая общность своего духовного блуждания с исповедальным сюжетом Св. Августина и заостряя в отношении себя евангельскую семантику «блудного сына», с явным акцентом на покаяние. Поэт определяет и причины своего заблуждения: «духовную гордыню», и как следствие – вверженность в «ересь темную волхвов», то есть приобщение к языческому религиозному сознанию, близкое отпадению от Церкви, от Христа.

Однако пафос покаянного монолога в текстах «Римского дневника» далеко не абсолютен. Нередко «покаяния» героя цикла отличает ироническая тональность относительно своей «греховности». Автор убежден, что «и свят, и грешен» он «святинею и грехом» Земли, что «и радость, и страдание» в земной юдоли неразделимы. Следствием такой установки становится вера в Божественное прощение и спасение как всего человечества, так и «грешного себя».

В целом, лирико-исповедальное начало, определяемое дневниковой природой стихотворных текстов «Римского дневника», является одним из ключевых циклообразующих факторов: оно объединяет разрозненные поэтические страницы цикла общей интонацией и содержательной доминантой, обеспечивая его художественно-философское единство.

Циклообразующей интенцией в «Римском дневнике» Вяч. Иванова наделяется «память», предстающая в тексте и как непосредственный эмоционально-психологический акт героя/поэта, и как широкая философская концептосфера. Циклообразующая роль «памяти» в «Римском дневнике 1944 года» рассматривается в **четвертом параграфе**.

Прежде всего «память» в цикле представлена на уровне «запоминания» (фиксации) событий из жизни и окружения поэта, что продиктовано особенностью формы дневника, изначально существующей в качестве «записей для памяти».

«Память» в тексте репрезентируется также на уровне воскрешения, воссоздания автором своего прошлого. К числу поэтических текстов

такого характера в составе «Римского дневника» относятся лирико-исповедальные, покаянные излияния героя/поэта, обращенные к пройденному жизненному пути с его потерями и ошибками.

Предметом лирической рефлексии на страницах «Римского дневника» становятся воскрешаемые памятью и особо значимые для поэта события жизни, не относящиеся к сфере аксиологического рассмотрения. Это уразумение идеи Церкви благодаря личности Вл. Соловьева и его философскому учению, присоединение к католической церкви, дорогие для него встречи/расставания с близкими ему когда-то людьми, единомышленниками по символизму (Ю. Верховским, А. Белым). Весь контекст личной памяти поэта рассматривается им как определяющее начало целостности личности, как ее укорененность в земных связях с миром и людьми, как условие устойчивости человеческой жизни в драматических коллизиях истории.

С этим связано и явное религиозно-философское осмысление «памяти» в «Римском дневнике». «Память» на его страницах актуализируется как один из значимых концептов мифомышления Вяч. Иванова. Основная диалектическая коллизия цикла – *жизнь/смерть* – трансформируется в противопоставление *памяти* и *забвения*, развертывая мысль о том, что забвение – это смерть, в то время как память – это истинный залог бессмертия. Концептосфера памяти представлена здесь, как и в философско-мировоззренческой системе поэта, градационным рядом, в который кроме памяти частной, личной о собственном бытии и «о земном лике отцов», входит Вечная Память, как память о «посвящениях отцов», как культурное наследие, душа и живительная почва культуры. Кроме того, в том же ряду оказывается и Память Предвечная (память о довременном созерцании Божественных идей) как основа творчества и как пространство Высшей реальности, сфера истинного бытия.

Поэтическая логика, лежащая в основе «Римского дневника», наряду с образной символикой памяти диктует появление и ее отрицательного коррелята: беспамятства как аналога небытия. Однако в эту традиционную ивановскую диаду «память/забвенье (беспамятство)», им вводится третий член – *забытье*, что призвано не столько усложнить философию этого смыслового комплекса, сколько полнее раскрыть ее. В контексте ивановской лирической рефлексии разница между беспамятством и забытьем заключается в том, что забытье как забвение покидаемой земной реальности в «летейских водах» – закономерное условие перехода к жизни истинной, жизни в свете; беспамятство же – намеренный отказ от памяти, и посему – это отход в небытие.

Таким образом, «память», представленная в «Римском дневнике» Вяч. Иванова как эмоционально-психологический акт героя/поэта и как сложная концептосфера текстового пространства, определяет единство цикла и слитность его различных, разрозненных стихотворных инфрафабул.

Циклическое единство «Римского дневника 1944 года» формируют и его ключевые мотивы. К их числу относятся мотив пути, онирическая мотивика, мотивный комплекс немотно-звучащего мира. Их рассмотрению посвящен **пятый параграф «Мотивная структура "Римского дневника 1944 года" в контексте процесса циклообразования»**.

«Путь» в «Римском дневнике» понимается и как конкретный жизненный путь героя/поэта, и как исторический путь его поколения, и как общечеловеческий путь. При этом и свой, и общечеловеческий земной путь поэт воспринимает как «испытание, претерпевание, страсть», как скитание блудного сына (согрешившего Адама), должного найти свою дорогу к Отцу-Богу. И свой, и общечеловеческий путь Иванов выводит к сотериологическому началу, утверждая неперенное спасение, приятие Отцом и воскрешение, как самого себя, так и каждого человека (должного воскреснуть во Христе).

Мотив пути является одним из важнейших циклообразующих начал «Римского дневника», так как он связан с большинством образов, категорий, концептов, мотивов цикла, и, кроме того, воплощает собой одну из центральных идей циклического целого, проясняя соотношение таких концептуально важных для «Римского дневника» универсалий, как жизнь и смерть, и, тем самым, делая прозрачней авторское понимание мироустройства, столь важное для всего его творчества в целом, и финального цикла в частности.

Одним из циклообразующих факторов «Римского дневника» выступает комплекс сновидческих лейтмотивов, пронизывающих собой все художественное пространство цикла и актуализирующихся прежде всего в связи с основной коллизией жизни и смерти. Поэт, воспринимающий смерть как рождение в иной, сакральной реальности, приписывает жизни коннотации сна, его ирреальность.

Однако «сон» в «Римском дневнике» воспринимается не только как иллюзия, мираж жизни, но и как «прозрение», «ясновиденье», в связи с чем в концептосфере Вяч. Иванова он сближается с «памятью», «творчеством», «поэзией», «мифотворчеством». Поэтический топос сна выступает аналогом смерти как прозрения инобытия.

Таким образом, с пространством «сна» и в целом со сновидческими мотивами в «Римском дневнике» связывается целый комплекс идей, что способствует собиранию в единый текст разрозненных стихотворений цикла и более глубокому и детальному раскрытию философского содержания «Римского дневника».

Свой закатный лирический цикл Вяч. Иванов, как и все свое творчество в целом, направляет на раскрытие и утверждение Высшей реальности, которая, согласно его оптимистически настроенной мысли, несмотря на очевидную трагичность земной жизни, полной разлада и разрухи, вражды и зла, торжествует в бытии. При этом поэт прежде всего старается расслышать звучание Высших сфер, поэтому в цикле немаловажную смысловую и формальную – циклообразующую – роль играет мотивно-тематический комплекс немотно-звучащего мира-бытия.

В тексте очевиден столь характерный для Вяч. Иванова мотив немоты/молчания. «Язык немотный» как особая форма коммуникации связывается поэтом с сообщениями Высших сфер. В противовес обычной человеческой речи он сближается не со звуковой, а со световой стихией. Наряду с этим в цикле угадывается намек на пифагорейское звучание сфер, которое Вяч. Иванов также соотносит с «языком» Высшей реальности.

В «Римском дневнике» отчетливо звучит мысль о том, что, несмотря на неустроенность земной жизни, мировая гармония торжествует в общем мироустройстве бытия. При этом античные представления легко соотносятся с христианской апологетикой. Постигание мировой гармонии, музыки сфер, согласно поэтической рефлексии автора, происходит на уровне духа и доступно далеко не всем, чем и обусловлено в первую очередь то враждебное и раздробленное состояние, в которое погружен современный ему мир. Мировой гармонии на звуковом уровне цикла противопоставляется апокалипсическая музыка «роковых труб». Но и эта мрачная символика предполагает в конечном итоге торжество света, любви и гармонии: *«Только трубы роковые / Родники любви, впервые, / Разомкнут – в последний час».*

Таким образом, мотивно-тематический комплекс немотно-звучащего мира-бытия поддерживает единство цикла, способствуя раскрытию его глубокого художественно-философского содержания.

В **Заключении** подводятся общие итоги исследования, формулируются основные выводы и намечаются перспективы дальнейшего изучения темы.

**Основные положения диссертационного исследования отражены
в следующих публикациях:**

1. Кулыгина В.В. Пространственно-временная семантика «Зимних сонетов» Вяч. Иванова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2009. № 2. 0,2 п.л.
2. Кулыгина В.В. Мотив немоты в поэтическом цикле Вяч. Иванова «Итальянские сонеты» // Знание. Понимание. Умение. М., 2009. № 4. 0,3 п.л.
3. Кулыгина В.В. Мифопоэтический код «Зимних сонетов» Вяч. Иванова (темпоральная семантика) // Грехневские чтения: Сборник научных трудов. Вып. 5. Н. Новгород, 2008. 0,3 п.л.
4. Кулыгина В.В. Личностные аспекты символистского текста Вяч. Иванова («Итальянские сонеты») // Литература и личность: Методологический и литературоведческий аспекты: сб. науч.-метод. ст.: в 2 ч. Иваново, 2008. Ч. 2. 0,4 п.л.
5. Кулыгина В.В., Дзуцева Н.В. Поэтика пространства в «Зимних сонетах» Вяч. Иванова // Филологические штудии: Сборник научных трудов. Вып. 11. Иваново, 2008. 0,6 п.л.
6. Кулыгина В.В. Традиционное и индивидуально-авторское в образе Италии Вяч. Иванова (поэтический цикл «Итальянские сонеты») // Филологические штудии: Сборник научных трудов. Вып. 12. Иваново, 2009. 0,5 п.л.
7. Кулыгина В.В. Иная речь: мотивы молчания, тишины, немоты в художественном мире А. Непомнящего // Рок-поэзия Александра Непомнящего: исследования и материалы. Проблемы современной литературы: теория и практика. Вып. 1. Иваново, 2009. 0,5 п.л.
8. Кулыгина В.В. Циклообразующая роль времени/даты в «Римском дневнике 1944 года» Вяч. Иванова // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия «История и филология». Вып. 2. Ижевск, 2009. 0,4 п.л.

КУЛЫГИНА Виктория Викторовна

**ПРИНЦИПЫ ЛИРИЧЕСКОЙ ЦИКЛИЗАЦИИ
В ТВОРЧЕСТВЕ ВЯЧ. ИВАНОВА
(«Итальянские сонеты», «Зимние сонеты»,
«Римский дневник 1944 года»)**

Специальность 10. 01. 01 – русская литература

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Подписано в печать 16.11. 2009 г. Формат 60 × 84 1/16. Бумага писчая.
Печать плоская. Усл. печ. л. 1,16. Уч.-изд. л. 1,0. Тираж 100 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»
153 025 Иваново, ул. Ермака, 39
(4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

